

2. Демидова К. И., Злыденная Т. А. Ценностный аспект русской диалектной языковой картины мира // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб., 2006. С. 72.

3. Гангур Н. А. Усадьбы линейных казаков (1830–1860 гг.) // Дикаревские чтения: Итоги фольклорно-этнографических исследований

этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. Краснодар, 2007. С. 371.

4. Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Жилище человека как базовая ценность в языковом сознании казачества (на материале кубанских говоров) // Концептуализация как процесс и его результаты: коллективная монография. Краснодар, 2008. С. 153.

O. G. BORISOVA, L. A. ISAEVA. SOCIO-SPATIAL PARADIGM CONTRARIE AS A MEANS OF PRESENTING FEATURES PAINTINGS OF THE WORLD KUBAN DIALECTS'S MEDIAS

This article discusses some features of the picture of the world media Kuban dialects reflected in the education antonymy pairs based on emotional and aesthetic, as well as ethnic and cultural oppositions.

Key words: *dialect language picture of the world, the Cuban dialects, dialect antonyms, socio-territorial contrarie paradigm.*

П. В. ЯРЕШКО

К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКИХ И СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН КАЗАКОВ КУБАНИ

В центре статьи – тематические и стилевые особенности исторических песен казаков Кубани.

Ключевые слова: *историческая песня, казаки Кубани, строевая песня, распевный стилистический тип.*

Исторические песни – это особый жанр народных лирико-эпических песен, посвященных конкретным историческим событиям и лицам XIV–XIX веков. Жанр этот, занимающий пограничное положение между эпической традицией и лирической песней, выделился в самостоятельную форму в середине XVI века [1].

В традиционной духовной культуре кубанского казачества историческим песням принадлежит исключительная роль. Являясь своеобразной народной памятью, отражающей героическую и в то же время полную глубокого драматизма историю казаков, исторические песни представляют собой яркие по художественному воплощению произведения народного искусства. Знаменательно, что термин «исторические песни» употребляется и самими носителями фольклора. В их понимании речь идет о песнях, которые посвящены общественно-значимым явлениям, относящимся к «делам давно минувших дней» [2].

Вне всяких сомнений, историческая песня появляется там, где существует этническое самосознание, т. е. осознание народом исторического процесса и своей роли в нем, своего места в национально-ориентированном государстве.

Как правило, исторические песни допускают свободное истолкование событий, им присущ элемент фантазии, однако каждая из них всегда связана с каким-либо конкретным событием, а фигурирующие в такой песне персонажи имеют реальные прототипы.

Многие значительные события казачьей истории и истории России, особенно военные кампании, в которых участвовало казачество, нашли

отражение в песенном фольклоре. Эти песни дают представление о различных аспектах военных действий, эпизодах военно-полевой жизни, поворотных событиях.

Таким событием стало вручение черноморцам царской грамоты на владение Кубанским краем. Отправляясь летом 1792 года в дальний путь, казаки прощались с родной Украиной песней «Ой, и нэ гаразд запарожци», которая сохранилась в репертуаре кубанских казаков:

*Наша маты Катэрына
Нэ гарно зробыла.
Край широкий шей вэсэлый,
Тай занастылы.
Ой, хочь гаразд, хочь нэ гаразд,
Ничого робыты:
Будэм славно запарожци
На Кубани жыты [3].*

Исторические песни кубанских казаков отличаются большой глубиной сюжетов и образов, языком, манерой стихосложения, близостью к разным фольклорным жанрам. Это разнообразие обусловлено богатством и сложностью культуры самого кубанского казачества, в которой произошло взаимопроникновение южнорусской и украинской традиций [4].

Бытуют в среде кубанцев и эпические напевы украинского казачества о казаке Голоте, гетмане Богдане Хмельницком, донские сюжеты о Петре I, Суворове, Степане Разине:

*То не здесь ли граф Суворов
По Копылу проезжал?
Так, что злобный давний ворог
В куцах за морем дрожал [5].*

Следует отметить, что еще задолго до поселения на Кубани происходил процесс тесного взаимодействия исторических песен украинских и русских казаков. Донцы и запорожцы нередко находились в более чем дружеских отношениях. Южнорусские однодворцы – потомки московских служилых людей, охранявших Украинскую линию, а затем переселившиеся на Кубань под наименованием «Екатеринославские казаки», также способствовали единству творческого процесса [6].

Одним из ранних ведущих мотивов выступала борьба с турецкой агрессией. Примером жертвенности, мужества, служения родной земле и православной вере является текст о Байде, трансформировавшийся в новых условиях из украинской думы в кубанскую историческую песню:

*Ой, як рыкнэ наша турэцькый
Та на свои слугы: «Слугы молодэцькы,
Визьмыть Байду та и зяжить його,
Та за рэбро крючком, крючком зачепить» [7].*

Схожий образ героя-подвижника представлен и в бытовавших на Кубани песнях об атамане Иване Матвеевиче Красношекове. Кубанские казаки активно участвовали в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813-1814 г., о которых рассказывают песни «Француз битый не зевал», «Вспомним, братцы, Русь и славу» др.

*Вспомним, братцы, Русь и славу
И пойдем врага разить.
Защитим свою державу
Лучше смерть, чем в рабстве жить» [8].*

Сюжеты, на которых строились исторические песни, часто повторяли ход событий, передавали по горячим следам все необходимые подробности, закрепляли и прославляли отличившихся, характеризовали значение описанного факта. Вероятно, в их создании принимали участие полковые историографы из офицерско-казачьей среды, любители казачьей старины. История сохранила лишь немногие имена авторов, чьи тексты становились кубанскими народными песнями. Среди них – штаб-ротмистр П. Т. Кулебякин, уроженец ст. Петропавловской, прапорщик И. Л. Сорокин, впоследствии – главнокомандующий Красной армией на Северном Кавказе, сотник 2-го пластуна батальона А. Д. Малиновский и другие. Авторские сочинения становились народными, поскольку оперировали привычными для казачьей песни эпитетами, выражали народное отношение к героям и историческим событиям. В песне, записанной И. Ф. Вараввой в 1950-е годы в ст. Прочноокопской, еще хранилась память об эпизодах сражения при Кюрюк Дара в Крымской войне:

*Вспомним трудное мы время,
Как нас вел лихой Камков,
Эх, и как Скобелев отважный
Правил службой казаков» [9].*

Интересен образ царя. Монарх в казачьем фольклоре – общий отец всех подданных, всех православных, высший покровитель и благодетель:

*Ой да, православный наш царь Петр Алексеевич,
Ой да, много сил он копил для войны с врагами.
Ой да, он поход объявил под землю турецкую.
Ой да, он князей и бояр много дарил, жаловал» [10].*

Песенная традиция Кубани – позднего формирования. Она складывалась под воздействием двух переселенческих потоков: черноморского (украинского) и линейного (русского). Это стало основой стилистической неоднородности певческой культуры значительного по масштабам региона.

Особое место занимают «старшие» исторические песни с украинской вербальной основой, которые повествуют о переселении запорожских казаков на Кубань. Сложность исторической ситуации явилась причиной неоднозначной реакции в сознании переселенцев, покидающих свои родные места, что нашло отражение в ряде песен: «Зибралыся вси бурлаки», «Ой, на

гори женци жнуть», «Ой, годи ж нам журытыся» и др. Стоит отметить, что они сохранились в певческом репертуаре до нашего времени, представляя достаточно устойчивый фольклорный пласт. Названные и другие песни имеют отчетливо выраженную строфическую форму с силлаботоническим стихом (хореической структуры):

*Зибра́лься вси́ бурла́кы
До ридно́и хаты.
Тут нам мыло, тут нам любо
Журбы заспаваты» [11].*

Однако их музыкальное воплощение многопланово. По-видимому, здесь мы соприкасаемся с феноменом процесса фольклоризации: созданный талантливым личностью вербальный текст попадает в певческую коллективную среду, приобретая множественную музыкальную трактовку. В результате возникают новые принципы соотношения слоговой ритмической формы и ее музыкального воплощения.

Так, песня «Зибралыся вси бурлаки» представляет собой куплетную форму в виде четырехстрочной строфы сквозного развития. Она состоит из обновляющихся компонентов – музыкальных фраз. Однако своеобразным стилевым проявлением является оппозиция запева (первые две фразы) и ансамблевого подхвата. Запев – стремительно развивающиеся речитативные фразы с активизированным ритмом в значительном мелодическом амбитусе (квартдецима). Напротив, ансамблевый подхват представляет собой широкий, медленно развивающийся распев, где голоса в ограниченном диапазоне (квинта, секста) создают ярко выраженную гармоническую структуру.

В этом противостоянии мелодической экспрессии и распевности воплощаются два противоположных элемента, но которые в итоге своеобразно

уравновешивают друг друга. Характерно, что другие зафиксированные варианты песни в целом сохраняют данный стилевой прием, распространяя его на другие фольклорные жанры поздней традиции. Приведенный образец принципа формообразования назовем *распевным стилистическим типом*, так как распевность фраз является важнейшим его компонентом. Характерным свойством такой формы является метрическая неуравновешенность фраз, выраженная в переменном метре, дополняемая противопоставлением различных темпов.

Другой стилевой тип, который характеризует исторические песни, можно назвать *маршево-походным*, имея в виду его функциональную направленность. Его значимость в казачьем фольклоре велика, так как многие воинские, в том числе исторические, песни создавались с определенной целью: способствовать единому движению солдатской (казачьей) массы. Но могла происходить и обратная тенденция, когда созданная распевная песня превращалась в походную, выполняя возложенную на нее функцию.

Приведенные аналитические наблюдения над тематическими и стилевыми особенностями некоторых исторических песен, позволяют сделать предварительные выводы о высокой певческой культуре казаков Кубани, истоки которой кроются в традициях переселенцев. Сложная, порой наполненная драматическими коллизиями история

кубанского казачества воплотилась в песенном творчестве, которое представляет собой широкий тематический и стилевой спектр. Его изучение позволит создать целостную картину культуры региона.

Литература и источники

1. *Камаев А. Ф.* Народное музыкальное творчество: учеб. пособие. М., 2005. С. 222–223.
2. *Жиганова С. А.* Музыкальный фольклор. Очерки традиционной культуры казачеств России. Краснодар, 2005. С. 418–419.
3. Полевые материалы автора, собранные в Ленинградском (1995 г.) и Тбилиском (1997 г.) районах Краснодарского края.
4. *Кирий О. А., Матвеев О. В.* Исторические песни кубанских казаков глазами историка. Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1997. С. 59.
5. Казачество – щит Отечества. М., 2005. С. 200.
6. *Кирий О. А., Матвеев О. В.* Исторические песни кубанских казаков ... С. 60.
7. Там же.
8. Полевые материалы автора.
9. *Варавва И. Ф.* Песни казаков Кубани. Краснодар, 1966. С. 138.
10. *Кирий О. А., Матвеев О. В.* Исторические песни кубанских казаков ... С. 62.
11. *Захарченко В. Г.* Народные песни Кубани. Краснодар, 1987. С. 17.

P. V. YARESHKO. ON THE THEMATIC AND STYLISTIC FEATURES OF HISTORICAL SONGS KUBAN COSSACKS

In the center of the article – thematic and stylistic features of historical songs Kuban Cossacks.

Key words: *historical song, Cossack Kuban, marching song, stylistic responsive type.*

Е. В. МИЛЕЙКО, А. С. СТАЦЕНКО

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА МАСТЕР В ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

В статье рассматриваются основные концептуализации понятия «мастер» в текстах фабрично-заводских народных песен XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: *народные песни, концепт Мастер, концептуализация, вербализация понятия.*

Главной темой рабочей песни становится тема труда, а основной проблемой – раскрытие взаимоотношений между рабочими и теми, кому они вынуждены были подчиняться (хозяин, предприниматель, администрация, мастера, надсмотрщики и т. д.).

В освещении темы труда рабочие песни представляют собой совершенно новое явление. Если в традиционных крестьянских песнях эта тема затрагивается лишь попутно и проступает только через очень скупые детали, то в рабочем песенном творчестве она занимает центральное место, ей посвящаются специальные песни.

В качестве источников фактического материала привлекались собрания русской народной лирики XIX–XX вв. (сборники В. И. Гусева «Русские песни и романсы» [1], С. Г. Лазутина «Русские народные песни» [2]), дополнительно привлекался региональный сборник сказок, песен, частушек, присловий Ленинградской области под редакцией В. С. Бахтина [3], поэтому считаем возможным в тексте нашей статьи не указывать источник цитирования.

При описании и анализе лексических экспликатов концепта «мастер» в песенных текстах следует учитывать то, что в силу особенностей